Колхозы и земельный вопрос: отчуждение и землеустройство в зонах затопления Обской и Иртышских ГЭС в 1950-е годы[1]

Н. Н. Аблажей, М. А. Косицын

Наталья Николаевна Аблажей, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН. 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: ablazhey@academ.org

Максим Андреевич Косицын, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН. 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: kosizin2013@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты политики и практики в области изъятия земель при гидростроительстве на материалах двух Иртышских и Обской ГЭС, построенных в 1950-е годы. Анализируются нормативно-правовая база, регулировавшая отчуждение земель под государственные нужды, и алгоритм изъятия земель у колхозов на практике, механизмы взаимодействия властей и ведомств разного уровня по земельному вопросу в зонах затопления и подтопления, организация и порядок проведения землеустройства. Приводятся агрегированные данные по объемам изъятий и компенсаций колхозам в зонах Усть-Каменогорской, Новосибирской и Бухтарминской гидроэлектростанций, в связи со строительством которых в сложившихся сельскохозяйственных районах появились искусственные водохранилища разного объема и площади. По итогам исследования сделан вывод о применении нескольких сценариев земельного переустройства. Один из них основан на полной или частичной компенсации за счет земель государственного фонда или участков соседних колхозов. Иные сценарии исходили из отказа от земельной компенсации, предлагая взамен государственную поддержку в форме денежных выплат, налоговых льгот, а также права на внутрихозяйственное перераспределение земель и частичное изменение аграрного профиля. Несмотря на то что задачи развития гидроэнергетики превалировали над аграрными, государство предусматривало систему мер по поддержанию жизнеспособности колхозов в зонах затопления и подтопления как главных сельскохозяйственных производителей.

Ключевые слова: ГЭС, Обь, Иртыш, искусственные водохранилища, колхозы, землепользование, изъятие, компенсация, землеустройство

EDN: KGGDXK

Создание искусственных водохранилищ приводит к значительным изменениям ландшафта. Поскольку земля является основным средством производства в сельском хозяйстве, то в случае

1. Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

с сельскохозяйственными производителями затопление территорий нарушает сложившиеся системы землепользования, что диктует необходимость разработки новых вариантов землеустройства. Не менее важен и аспект рационального использования земель, под которым обычно понимается применение их в интересах как общества в целом, так и пользователей. Вопрос целесообразности — это производная от экономических приоритетов и экологических последствий. Соображения рациональности и целесообразности в наибольшей степени присущи именно собственнику земли, которым в данном случае выступало советское государство.

Проблема земельных взаимоотношений государства с колхозами — одна из основополагающих в плане объяснения специфики советской аграрной системы и политики в отношении коллективных сельхозпредприятий. В историографии регулирование земельных вопросов рассматривается преимущественно в рамках изучения истории коллективизации и последующих кампаний по укрупнению колхозов (Томилин, 2008; Кометчиков, 2025 и др.). В плане влияния гидроэнергетики на сельское хозяйство в целом данная тематика затрагивается фрагментарно (Бурдин, 2008; Рябов, 2021 и др.). Что касается механизмов отчуждения земли под государственные нужды в связи со строительством ГЭС и созданием искусственных водохранилищ, как на уровне законодательства, так и его правоприменения, то этот вопрос остается неизученным.

Цель нашего исследования — выявление механизма изъятия и компенсации колхозных земель в зонах затопления при строительстве ГЭС в 1950-е годы в контексте анализа эволюции нормативной базы в области землеустройства, практик ее реализации и социально-экономических последствий для сельскохозяйственных производителей. В качестве метода исследования использовался комплексный анализ трех кейсов, а именно: реализованных проектов зон затопления в связи со строительством гидроэлектростанций в 1950-е годы на реках Оби (Новосибирская) и Иртыше (Усть-Каменогорская и Бухтарминская). Это позволило не просто описать ситуацию, но также выявить специфику землеустройства в зонах затопления с опорой на реальные факты и конкретные случаи. Исследование построено на анализе законодательно-правовых актов в области землепользования и землеустройства, распорядительных документов исполнительной власти, касавшихся земельных вопросов, а также технико-проектной документации по зонам затопления. Данные материалы отложились в фондах Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Восточно-Казахстанской области (Казахстан), районных отделов архивных служб.

Правовая база в области землепользования колхозов и изъятия земель

После принятия Земельного кодекса РСФСР 1922 года государство стало единственным субъектом земельной собственности, тогда как все хозяйствующие единицы — от крестьянских дворов до промышленных предприятий — превратились лишь в держателей земельных наделов на правах пользования. Создание водохранилищ, сопровождавшееся масштабным изъятием сельскохозяйственных и иных земель, влекло за собой необходимость изменения границ землепользования и затрагивало интересы множества хозяйственных субъектов, в том числе колхозов. Это обусловило потребность в законодательном регулировании процедуры изъятия земель и разработке механизма взаимодействия между органами власти. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал такую возможность для удовлетворения «государственных и общественных надобностей» (ст. 17 е)[2].

Примерный устав сельскохозяйственной артели, одобренный II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г., в статье 2 провозглашал: «Земля, занимаемая артелью (как и всякая другая земля в СССР) есть общенародная государственная собственность. Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства, закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно...»[3]. Этот принцип был конкретизирован в постановлении СНК СССР от 7 июля того же года, вводившем систему государственных актов, дающих право на пользование землей[4].

Вопрос об отчуждении или изъятии земель стал актуальным с началом строительства крупных гидроэнергетических и других водных объектов. Так, в связи со строительством канала Москва — Волга ВЦИК и СНК РСФСР 4 марта 1929 г. приняли «Положение о порядке изъятия земель для государственных и общественных надобностей» (Хронологическое собрание законов, 1959: 13–24)[5], которое стало первой попыткой «сверху» быстро решить вопрос о земле (Канал Москва — Волга, 1945: 201–203). Однако более предпочтительным оказался алгоритм, позволяющий инициировать этот вопрос «снизу», дав региону полномочия оперативно осуществлять как изъятие, так и отвод земель. В итоге ВЦИК и СНК РСФСР

2. Земельный кодекс РСФСР / URL: https://docs.cntd.ru/document/9017759?marker=7D80K5 (дата обращения: 10.12.2025).
3. Свод законов СССР 1935 г. № 11, ст. 82, п. 2.
4. Землепользование и землеустройство: Сборник постановлений, приказов и инструкций за 1935–1946 гг. М.: Сельхозгиз, 1947. С. 45–46.
5. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. В 7 т. Т. 2. М.: Госюриздат, 1959. С. 13–24.

20 июля 1933 г. приняли новое Положение «О порядке изъятия земель для строительства канала Москва — Волга, водохранилищ и московского порта (Москва — Волгострой)», дававшее право Московскому облисполкому, при котором была создана Комиссия по рассмотрению земельных вопросов по заявкам строительства, рассматривать и утверждать проектные планы изъятия земель (Собрание узаконений и распоряжений, 1933: 241–244), при сохранении контроля со стороны Центра. Данные положения конкретизировали механизм изъятия земель, передавая его исключительно в компетенцию региональных властей. Разработанный в ходе строительства Волго-Донского канала набор инструкций и решений был рекомендован как типовой для строек, в ходе которых создавались водохранилища. В конце 1936 г. сложился общий порядок изъятия земель колхозов, когда решения комиссий при облисполкомах по изъятию колхозных земель представлялись через президиумы облисполкомов на утверждение СНК СССР (Канал Москва — Волга, 1945: 204). 2 июня 1938 г. СНК СССР принимает новое постановление о порядке изъятия земель у колхозов для государственных нужд, которое утверждало возможность изъятия площадей свыше 10 га лишь с разрешения СНК по ходатайствам СНК республик и региональных исполкомов, и лишь при условии обязательной компенсации (История колхозного права, 1958: 45).

В начале 1949 г. Совет Министров СССР принял постановление «О порядке рассмотрения вопросов об отводе земель для государственных нужд»[6] (Зона затопления, 2023: 148). Согласно новому положению, изъятие земель могло проводиться только с разрешения Совета Министров СССР по ходатайству республиканских и региональных исполнительных комитетов, при наличии заключений по этим ходатайствам от Министерства сельского хозяйства и Совета по делам колхозов при Правительстве СССР. Отвод земель совхозов также мог проводиться только с разрешения СМ СССР по ходатайствам советов министров союзных республик, автономных республик и областных (краевых) исполкомов РСФСР. К постановлению прилагалась обширная инструкция о порядке рассмотрения ходатайств об отводе и изъятии земель. В случае, если речь шла о земле колхозов, предусматривался отвод земельных участков во временное пользование с последующим возвратом ее тем же хозяйствам. В обязательном порядке предоставлялся полный пакет документов, в том числе справка о землях колхоза с разбивкой по угодьям и видам эксплуатации по прямому назначению, планкарта землепользования, протокол правомочного собрания членов колхоза и решение райисполкома по отводу общественных земель, заключение республиканского или краевого министерства/областного управления сельского хозяйства, акт оценки затрат, связан-

6. Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. Р-834. Оп. 11. Д. 80. Л. н./ук.

ных с отводом земель (Зона затопления, 2023: 149–150). 22 июня 1954 г. Совет Министров СССР принимает новое постановление, значительно упростившее процесс изъятия земель для государственных нужд. Теперь советы министров союзных республик могли самостоятельно разрешать отвод до 50 га общественных земель и до 25 га земель колхозов. Региональные власти могли изымать до 3 га колхозных земель под объекты общественного назначения. Министерствам, которые так или иначе были связаны с сельским хозяйством, давалось право перераспределять земли внутри своей системы без согласования с Совмином СССР[7]. Крупные изъятия земли по-прежнему должны были согласовываться с союзным правительством. Ко второй половине 1960-х годов правовой механизм изъятия земель для государственных нужд, в том числе в связи со строительством ГЭС, окончательно сложился.

Практики изъятия колхозных земель и отвода земель колхозам в зонах затопления

Ключевыми этапами землеустройства в связи с созданием водохранилищ было изъятие и отвод земель, что требовало поэтапного и комплексного решения целого ряда задач в области землепользования и землеустройства. Под изъятием понималось прекращение права пользования землей, а под отводом — передача земель и межевание. Первоначально определялись границы зоны затопления и подбирались участки для компенсации, далее проводилось установление границ и площадей, предназначенных для сельскохозяйственных нужд и выделение участков для колхозов. Следующим этапом было внутрихозяйственное землеустройство, направленное на организацию территории хозяйства в новых условиях: размещение производственных подразделений, проектирование севооборотов, дорог, лесополос и водоемов с учетом сокращения или перераспределения земельных площадей.

Вопрос об изъятии земель колхозов решался оперативно, в некоторых случаях еще на этапе подготовки проекта и до принятия постановления о строительстве гидроэлектростанции и создании водохранилища. Совет Министров СССР предоставлял республиканским правительствам или непосредственно обл(край) исполкомам право отводить земли колхозов, совхозов, госземфонда и утверждать изменение границ землепользователей[8]. Все распорядительные решения по изъятию и отводу земель колхозов реализовывались региональными властями в лице обл(край)исполкомов, которым предписывалось инициировать добровольно-принудитель-

7. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее — ГАВКО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 75. Л. 373–376.
8. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 55.

ное отчуждение земли с условием компенсации, подготовить проекты земельного переустройства и выдать колхозам новые государственные акты на пользование землей[9]. Важную роль в этом процессе также играли региональные управления сельского хозяйства[10], появившиеся во второй половине 1940-х годов в связи с образованием единого союзно-республиканского министерства сельского хозяйства и призванные осуществлять комплексное руководство аграрным сектором на местах (История колхозного права, 1958: 297). Организация экспедиций и создание проектов земельного переустройства возлагались на отделы землеустройства и севооборотов, которые входили в состав областных и краевых сельхозуправлений. Они проводили общую оценку земельных фондов, на основе которой составлялись порайонные таблицы текущего земельного состава и подлежащих изъятию участков. Поступившие на рассмотрение райисполкома или облисполкома акты обследования зоны затопления и подтопления с указанием, находится ли эта земля в пользовании колхозов, утверждались с резолюцией «считать подлежащими изъятию и компенсации».

После изъятия земель под водохранилище начинался длительный процесс согласования компенсаций, который зачастую выявлял противоречия между интересами региональных органов власти и Центра. Среди материалов проекта Новосибирской ГЭС присутствует достаточно объемный документ, подробно отражающий рекомендации областного управления землеустройства и севооборотов, а также конечные решения, принятые «Ленгидропроектом». При сравнении рекомендаций с итоговыми решениями видно, что региональный орган управления в подавляющем большинстве случаев выступал за расширение компенсационных мероприятий, тогда как составители проекта, напротив, стремились ограничить эти меры, ориентируясь на сокращение расходов. К примеру, рассмотрим кейс колхоза «Победа» Искитимского района Новосибирской области. Облсельхозуправление подчеркивало, что изъятие земель приведет к критической потере кормовых угодий: сенокосы площадью 280 га и пастбища площадью 105 га (из 143) полностью затапливались, а из 48 га усадебных земель 19 га уходили под воду. В итоге в колхозе оставалось лишь 157 га из 1350 га. Потеря близких к хозяйственному центру угодий делала невозможным эффективное содержание скота и требовала транспортировки кормов на расстояние 20–25 км, что угрожало экономической устойчивости колхоза. «Ленгидропроект» исходил из технических расчетов, утверждая, что под затопление попадает лишь сравнительно небольшая часть земель: 280 га из 1383 га сенокосов (20%) и 93 га из 798 га пастбищ (11,6%), преимущественно неудобные земли. Оставшиеся 116 га

9. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 100. Л. 24–35.
10. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 525. Л. 118–118 об.

удобных земель могли быть сохранены или компенсированы за счет лесных территорий рядом с селением. Проектировщики считали, что экономическая эффективность колхоза не пострадает, а перенос села Антоново не требуется. Стоимость переноса оценивалась в два миллиона рублей, тогда как освоение лесных угодий для сенокосов — всего в 200 тысяч рублей. Таким образом, областное управление землеустройства выступало в роли защитника региональных интересов, отстаивая права колхоза и необходимость сохранения экономической устойчивости хозяйства, в то время как центральные власти и «Ленгидропроект» ориентировались на минимизацию расходов (Зона затопления, 2023: 162–163).

Важную роль в оформлении отвода и компенсации земель играли землеустроительные экспедиции, подчиненные союзному или республиканскому министерству сельского хозяйства, которые обеспечивали переход от бумажных расчетов к реальным изменениям на местности. Экспедиция обладала широкими полномочиями по проектированию и перераспределению земель в зоне затопления. В ее компетенцию входило: разработка схем межхозяйственного и внутрихозяйственного землеустройства, определение объемов компенсации за изымаемые земли (включая прирезку угодий из госземфонда и лесфонда), инициирование слияний или переселения колхозов, а также согласование проектов с местными и областными властями[11]. Работа велась по четкому алгоритму: сначала экспедиция анализировала масштабы затопления по подготовленному проектной организацией техническому проекту и потери сельхозугодий по каждому колхозу[12] и району[13], затем разрабатывала предварительные схемы землеустройства с вариантами компенсации. Предусматривалось несколько вариантов решения вопроса с компенсациями: 1) выделение земель из госфонда и гослесфонда; 2) прирезка земель за счет соседних многоземельных колхозов; 3) оптимизация землепользования за счет устранения чересполосицы и прочих недостатков; 4) денежная компенсация; 5) укрупнение колхозов и объединение поселений. Зачастую экспедиция не просто предлагала вариант решения, но и инициировала процесс его реализации через координацию с другими разработчиками, например, специализирующимися в области ирригации. Это показывает комплексный подход к землеустройству, где компенсация могла быть не только земельной, но и инфраструктурной. Предложенные варианты обсуждались на региональном уровне и после согласия всех сторон с проектом документ получал одобрение региональных властей[14]. Генеральный проект изъя-

11. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 54–55.
12. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 128. Л. 59–68.
13. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 129. Л. 36–37.
14. Отдел архивной службы (ОАС) Администрации г. Бердска. Ф. 24. Оп. 1. Д. 54. Л. н./ук.

тия и выделения земель согласовывался Министерством сельского хозяйства (Бурдин, 2008: 157), после чего поступал на утверждение правительства СССР, которое узаконивало новую ситуацию. Изъятие и отвод земель закреплялись общими собраниями колхозов и их правлениями[15]. Только после прохождения всех этих ступеней проект нового землеустройства считался окончательно принятым.

После проведения межхозяйственного землеустройства начиналась организация внутрихозяйственного землеустройства. Проекты переустройства колхозов первоначально составлялись преимущественно сторонними проектными организациями («Ленгидропроект», «Ленгипроводхоз»), но дорабатывались землеустроительными экспедициями при содействии региональных властей (Зона затопления, 2023: 200)[16]. На этапе разработки проекта изъятия и выделения земель, на подготовку которого уходил не один год, колхозы получали «право использования отрезаемых земель» на краткосрочный период, который мог быть продлен. Только после завершения всего цикла подготовительных мероприятий и согласований колхозам выдавались государственные акты на пользование землей. В результате переустройства предусматривалось «исправление недостатков в их землепользованиях», а именно: спрямление границ, устранение вклинивания других землепользований, решение проблемы удаленности земель от хозяйственных центров и т.д.[17] Подобные недостатки существовали в колхозах изначально, а при строительстве гидроэлектростанции они устранялись «попутно». Более того, эти мероприятия вписывались в контекст политики укрупнения колхозов, которая реализовывалась на протяжении 1950-х годов.

Внутрихозяйственное землеустройство представляло собой комплекс мер по адаптации колхозного производства к изменившимся условиям. Поскольку колхозы пользовались своими прежними угодьями вплоть до наполнения водохранилища, у хозяйств было несколько лет от момента изъятия земель до начала подъема воды, чтобы разработать и реализовать проекты внутреннего переустройства хозяйства. По задумке землеустроительные мероприятия носили не только компенсационный, но и превентивный характер, позволяя колхозам заранее подготовиться к грядущим изменениям и сохранить экономическую устойчивость. Эффективная реализация данных мероприятий требовала индивидуального подхода и детального анализа особенностей каждого колхоза (Зона затопления, 2023: 69).

15. ОАС Администрации Ордынского района Новосибирской области. Ф. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 10–11.
16. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 287. Л. 190.
17. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 1. Л. 21–21 об.

Исследовательские кейсы: земельный вопрос в зонах затопления Усть-Каменогорской, Бухтарминской и Новосибирской ГЭС

Гидроэнергетические проекты в зоне Обского и Иртышского речных бассейнов начали разрабатывать с середины 1930-х годов. Изначально они планировались как каскады ГЭС. Схема энергетического использования вод Верхнего Иртыша на протяжении около 600 км, включая оз. Зайсан и верховья Черного Иртыша, предполагала сооружение двух гидроэлектростанций: Усть-Каменогорской и Бухтарминской. Проектные работы по Усть-Каменогорской ГЭС начались в 1936 году, строительство стартовало накануне войны, однако вскоре было приостановлено. В 1950 году технический проект модернизировали и лишь в 1952-м станцию ввели в эксплуатацию. Заполнение водохранилища площадью 37 км2 и объемом 0,65 км3 продолжалось три года, с 1952-го по 1954-й. Что касается Бухтарминского моря, образованного вследствие строительства Бухтарминской ГЭС в 1958–1960 годы, то оно заполнялось пять лет. Его объем составил 49,6 км3, а площадь — 5,5 тыс. км2 (пятое место среди крупнейших долинных водохранилищ мира по площади водной поверхности). Следующую ГЭС, Ульбинскую на Иртыше, построили уже в 1980-е годы.

На р. Оби также планировалось сооружение каскада ГЭС, но построили только одну — Новосибирскую. Проект был утвержден в 1951 году, а строительство плотины завершено в 1958-м. Новосибирское водохранилище (или Обское море) возникло в 1957–1959 годы, его зеркало составляет 970 км2, при объеме 8,8 км3. Все реализованные на Оби и Иртыше ГЭС проектировались ведущим НИИ страны в области гидроэнергетики — «Ленгидропроектом». Таким образом, уже в 1950-е годы было реализовано три проекта, вследствие чего на больших равнинных реках появились искусственные водохранилища, притом что здесь было развитое аграрное производство.

Усть-Каменогорская ГЭС

В зоне ее затопления площадь сельхозугодий составляла 1910 га, из которых 1158 га принадлежали пяти колхозам, в состав которых входили 16 поселений. Основные изъятия затронули земли четырех колхозов Кировского района Восточно-Казахстанской области: у них отчуждали 723 га[18], что составляло 5,1% от всех земель, закрепленных за колхозами этого района. Специфика отчуждаемого

18. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАНТД СПб). Ф. Р-72. Оп. 39. Д. 714. Л. 15–15 об.

земельного фонда была в том, что сюда попали почти 90% наличных площадей личных усадеб колхозников (86,2 га). Из обращения выбывало также 21,7% земель, занятых под сенокосы. Колхоз «Иртыш», расположенный в Бухтарминском районе, утрачивал 14% земель и терял почти все сенокосы (97%).

Вопросы отчуждения колхозных земель рассматривались на местном и региональном уровнях с марта по сентябрь 1949 года. В ходе общих собраний колхозов и далее на районном уровне были признаны оптимальными несколько мероприятий. Два поселения одного из колхозов объединялись и ходатайствовали о передаче им в пользование 400 га земли госфонда. К областной власти обратились с просьбой решить вопрос с прирезкой земель за счет угодий прилегающих колхозов, в том числе из соседнего района[19]. Областная власть, в свою очередь, оценила наносимый ущерб как крайне незначительный, т.к. затапливаемые площади сельхозугодий составляли всего только 0,16% сельхозугодий, попадающих в зону затопления районов. Дополнительным аргументом было то, что затапливались в основном выгоны, в то же время пахотные земли почти не пострадали. Затапливаемые площади составили 5,1% от всех земель, закрепленных за колхозами.

Согласно решениям Кировского и Бухтарминского райсоветов, согласованных с Восточно-Казахстанским областным управлением сельского хозяйства, компенсация площадей угодий намечалась только колхозу «Иртыш», притом полностью за счет освоения земель смежного колхоза «Красный Сибиряк». По четырем колхозам Кировского района компенсация не предусматривалась. Власти посчитали затапливаемые участки «малоценными» и «незначительными», а ходатайство общего собрания колхоза «Горный Орел» о прирезке к нему земель соседнего колхоза «Путь к Коммуне» взамен затопляемых было отвергнуто облисполкомом. Основным мероприятием по восстановлению утраченных сельскохозяйственных угодий в Кировском районе стало введение в севооборот 2808 гектаров ранее неиспользуемых земель. Помимо этого, предполагалось сооружение ирригационной сети в местах нового размещения затапливаемых селений.

Бухтарминская ГЭС

По техническому проекту в зону затопления водохранилища Бухтарминской ГЭС попадали 48 колхозов с 132,7 тыс. га колхозных земель (всего в зоне затопления оказывалось свыше 330 тыс. га[20]), из них 43,1 тыс. га выгонов, 32,8 тыс. га пашни, 25,8 тыс. га сено-

19. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-72. Оп. 39. Д. 714. Л. 15–150б.
20. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 121. Л. 238.

косов, 5,7 тыс. га залежей и перелогов, 3,7 тыс. га целинных земель и 0,06 тыс. га огородов.

2 июля 1953 года Восточно-Казахстанский обком Коммунистической партии Казахстана и Восточно-Казахстанский облисполком направили совместное обращение в ЦК КПК и Совет Министров Казахской ССР с критикой предложений «Ленгидропроекта» по проекту переустройства земель колхозов, попадающих в зону затопления Бухтарминской ГЭС. «Ленгидропроект» предлагал оставить 17 колхозов в существующих хозяйственных центрах на их землях; 27 колхозов оставить на своем землепользовании, но с перенесением хозцентра в незатопляемые места; 4 колхоза объединить со смежными колхозами. Примерно треть затопляемых земель (43 тыс. га) предлагалось компенсировать за счет земель госземфонда, остальные — за счет земель смежных хозяйств и внутрихозяйственного переустройства земель (трансформации выгонов и сенокосов в пашню, выгонов — в сенокосы, а также вовлечения в сельскохозяйственный оборот перелогов и целинных земель).

В ряде случаев колхозам отказывали в предоставлении земельных компенсаций, ссылаясь на то, что затоплению подлежит лишь незначительная часть их угодий. Так было с землями колхозов им. Абая и им. Сталина Больше-Нарымского района Восточно-Казахстанской области. У первого изымались 15 га сенокосов (из 1351 га), а у второго — 17 га перелогов (из 11 276 га)[21]. Власти сочли, что данные колхозы обеспечены сенокосами и перелогами, поэтому могут «и в дальнейшем развивать свое хозяйство без дополнительных прирезок»[22]. Стоит отметить, что колхоз им. Абая вскоре был объединен с колхозом им. Андреева, однако колхоз им. Сталина остался в своих прежних границах, с учетом отвода части земель под водохранилище[23].

Тем не менее облисполком отметил «неприемлемость большинства предложений “Ленгидропроекта” в части компенсации земель». Региональные органы власти, опираясь на предложения Облсельхозуправления, отметили, что внутрихозяйственное переустройство за счет трансформации земель невозможно в силу географических причин (сложного рельефа и каменистости), а смежные колхозы зачастую не имеют свободных земель.

Обком и облисполком предложили республиканским властям следующую конфигурацию землеустройства: 21 колхоз оставить в существующих хозяйственных центрах на своем землепользовании; 19 колхозов оставить на своем землепользовании, но с переселением их центров в незатопляемые места; три колхоза объединить со смежными хозяйствами; пять колхозов переселить в пограничные животноводческие районы в порядке «доприсоединения» к су-

21. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 6428. Л. 34–35.
22. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 129. Л. 45.
23. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 129. Л. 46.

ществующим колхозам. Полное переселение пяти колхозов было необходимо, поскольку требовалось возместить 52 тысячи га пахотных и сенокосных земель, что невозможно было сделать при частичном расселении в административных границах прежних районов. Помимо этого, региональные власти предлагали развернуть масштабное ирригационное строительство в четырех районах ВКО для орошения 15,0 тыс. га пахотных и 37,0 тыс. га сенокосных угодий в качестве компенсации[24].

Совет Министров Казахской ССР 29 июля 1953 года дал ответ на обращение региональных властей, согласившись с предложениями Облсельхозуправления о переселении колхозов. Однако предложения об орошении были отвергнуты как дорогостоящие. Вместо этого правительство поддержало проект «Ленгидропроекта», который предполагал реализацию целого спектра менее дорогостоящих компенсационных мероприятий[25]. В этом же ответе Совет Министров Казахской ССР, по примеру других крупных гидротехнических строек, выступил с инициативой создания землеустроительной экспедиции. Ее основной задачей была разработка детального проекта межхозяйственного землеустройства.

Особое значение имел вопрос организационного подчинения экспедиции. Казахское правительство настаивало на ее создании под эгидой союзного, а не республиканского министерства сельского хозяйства. Это обосновывалось серьезными техническими сложностями — существующие проекты компенсаций опирались на неточные крупномасштабные карты, а для разработки качественных графических материалов требовались дополнительные изыскания. Республика испытывала острую нехватку квалифицированных кадров, способных выполнить такие работы на должном уровне[26].

Тем не менее организация экспедиции затянулась. Только через год Совет Министров СССР постановлением обязал Минсельхоз СССР и Совет Министров Казахской ССР организовать в 1954 году специальную экспедицию для составления земельно-хозяйственного переустройства землепользователей[27]. Одновременно на проектную организацию «Ленгипроводхоз» было возложено составление проектов Уйденинской и Кендерлыкской оросительных систем, которые строились для компенсации затапливаемых орошаемых земель[28].

Бухтарминская землеустроительная экспедиция была организована по линии министерства сельского хозяйства Казахской ССР и прибыла в Восточный Казахстан только в мае 1955 года, прорабо-

24. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 79–85.
25. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 77.
26. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 129. Л. 68.
27. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 234–244.
28. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 107. Л. 34–35.

тав там до ноября[29]. Экспедиция разрабатывала технические проекты землеустройства, определяла оптимальные формы земельной компенсации для каждого колхоза. В случаях, когда земельная компенсация была невозможна, инициировались денежные выплаты. Так было, например, с колхозами Зыряновского района, которым облисполком постановил выплатить 87 295 руб. на восстановление и улучшение сельхозугодий из-за невозможности земельной компенсации[30]. Экспедиция могла и отложить решение до завершения сопутствующих проектов, как в случае с проектом межхозяйственного землеустройства Зайсанского района, который был отложен в связи реконструкцией Уйденевской и Кендерлыкской оросительных систем[31]. При этом она балансировала между противоречивыми требованиями: необходимостью минимизировать бюджетные затраты на переселение (по линии Минэлектро) и обязательством сохранить экономическую жизнеспособность сельхозпредприятий (по линии Минсельхоза). Особую сложность представляла работа по индивидуальной адаптации типовых решений к конкретным хозяйствам: экспедиции приходилось учитывать местные условия, сложившуюся специализацию колхозов и их экономический потенциал. Деятельность Бухтарминской землеустроительной экспедиции носила комплексный характер, что определялось необходимостью решать не только технические вопросы землеустройства, но и другие взаимосвязанные проблемы: экономические (расчет компенсаций и оптимизация сельхозпроизводства) и политические (согласование интересов центра, республики и местных властей). Такой широкий круг полномочий превращал экспедицию не просто в исполнителя, а в «междисциплинарный штаб», который должен был одновременно выступать землемером, экономистом и переговорщиком.

Политика земельной компенсации колхозов в ходе строительства Бухтарминской ГЭС отличалась двумя ключевыми аспектами: крупными масштабами затопления сельскохозяйственных угодий и комплексной системой возмещения ущерба. Примечательно, что компенсационные меры вышли за рамки простого восстановления потерь и переросли в масштабную программу регионального развития, включавшую, в частности, создание разветвленной оросительной системы.

Новосибирская ГЭС

В зоне затопления и подтопления водохранилища Новосибирской ГЭС, согласно техническому проекту, оказывалось 38 кол-

29. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7098. Л. 45.
30. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 290.
31. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 291.

хозов: 32 в Новосибирской области и 6 в Алтайском крае. Колхозам принадлежало 59,1 тыс. га из 94,3 тыс. га затопляемых земель, при этом в сельскохозяйственном обороте находилось только 25,6 тыс. га (Зона затопления, 2023: 67–68). В зоне отчуждения находилось 54 населенных пункта. Полностью попадали под затопление 28 населенных пунктов, частично — 23, два селения оказывались в островном положении, один — в зоне берегоразрушения[32].

Наиболее сильно пострадали из-за затопления колхозы Ирменского района. Они потеряли свыше 20% используемых земель, утратив при этом половину сенокосов и 55% выгонов и пастбищ. Заместитель председателя Ирменского райисполкома Богидаев в 1953 году докладывал, что в результате изъятия земель район лишается значительной части кормовой базы для скота, призывал областное управление сельского хозяйства «этот вопрос немедленно решать, иначе наши колхозы в затопляемой зоне поставим в тяжелое состояние, а их 50% по нашему району» (Зона затопления, 2023: 324). Ситуация с животноводством в Ирменском районе была настолько тяжелой, что районные власти запросили уменьшение минимума общественного поголовья (Зона затопления, 2023: 344). За год до этого Новосибирский облисполком уже отказывал району в уменьшении плана поголовья скота. Ситуация с экономическим положением района была настолько критичной, что в 1954 году Ирменский район был упразднен, а его территория разделена между Новосибирским и Ордынским районами (Зона затопления, 2023: 232). В схожей степени пострадали колхозы Новосибирского района, которые утратили 43% земельного фонда, четверть пашенных земель и половину сенокосов. Председатель колхоза «Страна Советов» Сорокин отмечал: «У нас крайне напряженное положение. В 1954 г. нам последний срок. Пока мы пользуемся лугами затопляемой зоны, а в 1955 г. колхоз встанет перед фактом, когда скот кормить будет нечем <...> хоть все стадо ликвидируй. Нужно немедленно вводить севообороты, прифермерские севообороты и провести нарезку» (Зона затопления, 2023: 231). Искитимский и Ордынский районы теряли примерно 7–8% пашенных земель и от четверти до трети сенокосов и пастбищ. Серьезный урон получили колхозы Крутихинского района, которые практически полностью лишались сенокосов, а соответственно и кормовых фондов (Зона затопления, 2023: 67–77).

Земельные шнуровые книги колхозов наглядно иллюстрируют изменения площадей и их использование. Рассмотрим записи шнуровой книги за 1949–1956 годы колхоза им. Молотова Ордынского района Новосибирской области, попавшего в зону затопления. В 1949 году в его пользовании находилось 4163 га земель, из них

32. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 3. Л. 10–12.

пашни — 1992 га, перелогов и залежи — 1093 га, выгонов — 200 га. В первой половине 1950-х годов колхоз несколько раз укрупняли в рамках общегосударственной политики: в 1950 году к нему был присоединен колхоз «Коммунист», а в 1953 году — колхоз им. Тельмана. В сентябре 1954 года Совет Министров СССР своим решением изъял 3028 га, однако земли остались во временном пользовании колхоза вплоть до начала наполнения водохранилища. В качестве компенсации от соседнего колхоза и госземофонда были прирезаны 660 га земель, из которых 630 составили пашни. В 1955 году колхоз имел 13 447 га общественных земель, где больше половины, 7178 га, занимали пашни, около 1000 га — перелоги и залежи, 1283 га — выгоны и пастбища, 325 га — сенокосы.

Окончательно земли под водохранилище были отведены в 1956 году и земельный фонд колхоза сократился до 10 448 га. К новым реалиям колхоз приспосабливался через переконфигурацию уже имеющихся земель: пашня была расширена за счет распашки целины, выгонов и перелогов. В результате размер перелогов сократился до 219 га, выгонов — до 895 га, сенокосов — до 89 га, а пашни — увеличился до 7922 га[33]. Однако в таком виде колхоз просуществовал недолго: в 1958 году он был присоединен к колхозу им. Ильича, который, в свою очередь, в 1961 году был преобразован в совхоз Ордынский.

Основным механизмом реализации внутрихозяйственного переустройства было введение новых севооборотов и трансформация одних земельных угодий в другие. Однако также рассматривались и иные варианты: изменение специализации хозяйства (переход на овощеводство или производство мясомолочной продукции), создание кормовых баз, организационно-хозяйственные решения, такие как переход на круглогодичное содержание скота. В некоторых случаях внутрихозяйственное землеустройство становилось единственным вариантом компенсации земельных потерь. Например, в Новосибирском районе в зоне затопления находилось три колхоза, которые имели 21,2 тыс. га, из них в сельскохозяйственном обороте находилось только 14,2 тыс. га, а после затопления их площадь уменьшилась бы на 2 тыс. га. Из-за затопления колхозы теряли 15% выгонов (0,5 тыс. га из 3,5 тыс. га). Ввиду отсутствия пригодных для прирезки земельных участков, решить проблему с обеспечением растущего поголовья скота предполагалось введением полевых и лугопастбищных севооборотов. Несмотря на общее сокращение используемых земель, обеспечение кормовыми должно было вырасти в четыре раза — с 623 га до 2638 га (Зона затопления, 2023: 69–71).

Всесторонний анализ среднесрочных и долгосрочных последствий переселения и земельного переустройства для колхозов пред-

33. ОАС Администрации Ордынского района Новосибирской области. Ф. 36. Оп. 1. Д. 74. Л. 4–7.

ставляет собой тему, требующую отдельного исследования. Очевидно, что переселение из зон затопления стало серьезным бременем для колхозов. При необходимости сохранения аграрного производства и выполнения государственных планов они были вынуждены в сжатые сроки осуществить перенос колхозных построек и индивидуальных домов колхозников, создать колхозную и поселковую инфраструктуру, ввести в сельскохозяйственный оборот новые, ранее неиспользуемые земли. Затянувшаяся неопределенность, связанная с ожиданием переселения, лишала колхозы возможности вести капитальное строительство и осуществлять меры по улучшению производства[34].

В зависимости от масштабов переселения колхозы в зонах затопления строящихся станций получили от государства те или иные льготы. Для переселяемых хозяйств предусматривались наиболее существенные преференции: двухгодичное освобождение от большинства налогов и обязательных государственных поставок сельхозпродукции[35]. Переселяемые колхозы также могли получить долгосрочный кредит на возведение новых сельскохозяйственных построек (Зона затопления, 2023: 243). Помимо денежной компенсации, как колхозы, так и отдельные граждане могли получить в свое распоряжение строительный лес, прежде всего из зон затопления[36]. Предусматривались также компенсации за понесенные затраты труда на обработку земли и мелиорацию[37].

Заключение

Строительство гидроэлектростанций на Оби и Иртыше в 1950-е годы наглядно показало, что приоритетом для государства было развитие энергетики и промышленности, а не устойчивость сельского хозяйства. Даже изъятие значительных площадей сельхозугодий трактовалось властями как рациональный и необходимый шаг ради «общегосударственных нужд».

При этом функционировала система компенсаций, которая декларировалась как комплексная: предусматривались прирезка земель, переселение, финансовая поддержка и внутрихозяйственное переустройство. Однако на практике колхозы нередко получали меньше, чем теряли, или вовсе оставались без возмещения. Подобная ситуация демонстрировала, что государство оставляло за собой исключительное право распоряжаться землей, тогда как кол-

34. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 100. Л. 112–114.
35. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 284.
36. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 12. Д. 118. Л. 117.
37. ГАНО. Коллекция постановлений Совета Министров РСФСР. 1953 г. № 398–597. Л. 187–190.

хозы воспринимались лишь как пользователи, лишенные реальных гарантий.

Сценарии земельного переустройства 1950-х годов были выстроены, с одной стороны, на основе полной или частичной компенсации за счет иных категорий государственных земель, в том числе и угодий соседних колхозов, с другой — на отказе в компенсации, заменяемой государственной поддержкой в виде денежных выплат, предоставления налоговых льгот, внутрихозяйственного земельного переустройства и частичного изменения аграрного профиля хозяйств. В случаях с наиболее пострадавшими колхозами широко применялись радикальные варианты, связанные с объединением и укрупнением колхозов и поселений. Прирезка дополнительных угодий производилась в случае частичного затопления земель колхоза и при благоприятных прогнозах его дальнейшего экономического развития. Денежная компенсация применялась в исключительных случаях, когда земельная была невозможна. Отказ в компенсации практиковался в случаях незначительного изъятия земель, которое, по мнению органов управления, не влияло на экономическое состояние колхоза. Внутрихозяйственному переустройству подлежали большинство колхозов, однако в отдельных случаях, когда земельная компенсация была невозможна, могла происходить перестройка всего хозяйства колхоза и освоение ранее неиспользуемых земель. Речь могла идти, например, об изменении специализации, введении новой системы севооборота, мелиорации, оптимизации животноводческого направления, орошении, раскорчевке лесных угодий и других мерах адаптации к сократившемуся земельному фонду.

Региональные и местные власти, хорошо понимавшие реальные потребности хозяйств и масштабы потерь от затопления, активно лоббировали расширение компенсационных мер. При этом землеустроительные мероприятия могли носить не только компенсационный, но и превентивный характер, что на практике лишь частично позволило колхозам заранее подготовиться к грядущим изменениям и сохранить экономическую устойчивость.

Библиография

Бурдин Е. А. (2008). Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск: ИП Тухтаров.

Зона затопления (2023). Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е годы): сборник документов и материалов / сост.: Н. Н. Аблажей, М. А. Косицын. Новосибирск.

Канал Москва—Волга (1945): Вспомогательные работы, 1932–1937. [Технический отчет]. М.; Л.: Стройиздат.

Кометчиков И. В. Повседневные взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья (1945 — начало 1960-х годы) СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2025.

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. (1987). Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат.

Рябов Ю. В. (2021). История переселения населения из зоны затопления водохранилищ Ангарских ГЭС (1950–1970-е годы). Красноярск: Изд-во Красноярского государственного аграрного университета.

Томилин В. Н. (2008). Землеустройство колхозов Центрального Черноземья и их укрупнение во второй половине 1940-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 4 (60). С. 52–56.

Collective farms and land question: Land alienation and management in flood zones of the Ob and Irtysh hydroelectric power stations in the 1950s

Natalia N. Ablazhey, DSc (History), Leading Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: ablazhey@academ.org

Maxim A. Kositsin, Junior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: kosizin2013@gmail.com

Abstract. Based on the materials of the Irtysh and Ob hydroelectric power stations built in the 1950s, the article considers the key aspects of policies and practices of land alienation and compensation for collective farms during hydraulic construction: the regulatory framework of land alienation for state needs and its practice in relation to collective farms; mechanisms of interaction between authorities and departments of different levels on land issue in flood zones; organization and implementation of land alienation and management. The authors provide data on the volume of exemptions and compensations to collective farms in the zones of the Ust-Kamenogorsk, Novosibirsk and Bukhtarma hydroelectric power plants, the construction of which created artificial reservoirs of various volumes and sizes mainly in agricultural areas. The authors identify several land reconstruction scenarios, which usually implied complete or partial compensation at the expense of other categories of state lands. Although the objective of developing hydropower took precedence over agricultural goals, the state provided for a system of measures to maintain the viability of collective farms as the main agricultural producers in flood zones.

Key words: hydroelectric power stations, Ob, Irtysh, artificial reservoirs, collective farms, land use, land alienation, compensation, land management

References

Burdin E. A. (2008) Volzhskaya Atlantida: tragediya velikoy reki [Volga Atlantis: Tragedy of the Great River], Ulyanovsk: IP Tukhtarov.

Kanal Moskva–Volga (1945). Vspomogatelnye raboty. 1932–1937 [Moscow–Volga Canal. Auxiliary Works. 1932–1937: Technical Report], Moscow; Leningrad: Strojizdat.

Kometchikov I. V. (2025) Povsednevnye vzaimootnosheniya vlasti i derevni Tentralnogo Nechernozemya (1945 — nachalo 1960-h gg.) [Everyday Relationships between the Authorities and the Village of the Central Non-Black Earth Region (1945 — early 1960s)], Saint Peterburg: Dmitry Bulanin.

Kukushkin Yu. S., Chistyakov O. I. (1987) Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii [An Outline of the Soviet Constitution History], Moscow: Politizdat.

Ryabov Yu. V. (2021) Istoriya pereseleniya naseleniya iz zony zatopleniya vodokhranilishch Angarskih GES (1950–1970-e gg.) [History of Population Resettlement from Flood

Zones of the Angara Hydroelectric Power Stations (1950s–1970s)], Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta.

Tomilin V. N. (2008) Zemleustroystvo kolkhozov Tsentralnogo Chernozemya i ih ukrupnenie vo vtoroy polovine 1940-h gg. [Land Management of Collective Farms in the Central Black Earth Region, and Their Consolidation in the Late 1940s]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki, no 4, pp. 52–56.

Zona zatopleniya (2023). Sotsialnye i ekologicheskie aspekty stroitelstva Novosibirskoy GES (1950-e gody) / sost.: N. N. Ablazhej, M. A. Kosicyn [Flood Zone: Social and Environmental Aspects of the Novosibirsk Hydroelectric Power Station Construction (1950s), comp.: N. N. Ablazhey, M. A. Kositsyn], Novosibirsk.